

СТРАТЕГИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

Вахненко Е. Е.
Иркутск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-2728-7465
E-mail: katy250579@mail.ru

УДК 821.161.1(Ремизов А. М.)
DOI 10.26170/FK19-04-22
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,3
ГРНТИ 17.09.09
Код ВАК 10.01.08

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛИЧНОСТЬ А. М. РЕМИЗОВА В КАРИКАТУРАХ, ШАРЖАХ, ПАРОДИЯХ СОВРЕМЕННОСТЕЙ (1906–1916)

Аннотация. Статья посвящена рецепции образа А. М. Ремизова в пародийно-сатирическом контексте 1906–1916 гг. Этот ракурс изучения личности и творчества А. М. Ремизова до настоящего времени оставался за пределами интересов исследователей. На примерах восприятия широкой массовой аудиторией словесно-иллюстративного материала (пародии, шаржа, карикатуры) показано формирование литературной личности писателя, становление его репутации в литературной среде преимущественно через периодическую печать. Представление о Ремизове как о модернисте формировалось в связи с прецедентными событиями, которые были связаны с этапами вхождения писателя в круг современных авторов и повлекли скандальный резонанс как эпатажные выступления, коррелирующие с устойчивым мнением широкой читательской аудитории о литературной традиции. В общественном сознании посредством пародийно-сатирического контекста сложились устойчивые образы Ремизова, связанные не только с художественно-эстетическими интенциями писателя, но и с особенностями его творческого самовыражения. Прежде всего, это восприятие Ремизова в инфернальном ключе (в облике беса и черта), которое обусловлено не только личностными особенностями писателя, но и сложившейся литературной ситуацией. Следующий образ списывателя-графомана сформировался в результате обвинения писателя в плагиате, вне зависимости от авторской интенции. Образы оригинала-стилиста и книжника в пыли древних манускриптов стали результатом не только читательского восприятия, но и выработанной Ремизовым коммуникативной стратегии. Проведенный анализ многочисленных шаржей, карикатур и пародий позволил проследить как посредством пародийно-сатирического контекста, обусловленного событиями творческой биографии Ремизова, формировалось представление о личности писателя и его месте в историко-литературном процессе 1900–1910-х гг.

Ключевые слова:
русская литература;
русские писатели; ремизоведение; модернизм; автобиографии писателей; карикатуры; шаржи; пародии.

Vakhnenko E. E.
Irkutsk, Russia

REMIZOV'S LITERARY PERSON IN CARTOONS AND PARODIES OF HIS CONTEMPORARIES (1906–1916)

Abstract. The article is devoted to the reception of the image of Alexei Remizov in a parody-satirical context of 1906–1916. This aspect of the study of personality and work of Remizov to date has remained beyond the interests of researchers. The examples of the wide mass audience's perception of verbal and illustrative material (parody, cartoon, caricature) demonstrate the formation of the writer's literary personality and reputation in the literary environment mainly through periodicals. The idea of Remizov as a modernist was formed in connection with the precedent events that were associated with the stages of the writer's entry into the circle of modern authors and entailed scandalous resonance due to his shocking speeches that correlated with the stable opinion of a wide readership about the literary tradition. Through public parody and satirical context, stable images of Remizov have been formed, associated not only with the artistic and aesthetic intentions of the writer, but also with the peculiarities of his creative expression. First of all, this is an "infernal" perception of Remizov by his readers in the guise (of a demon or a devil), which was caused not only by the personality of the writer, but also by the current literary situation. Next image – Remizov as a graphomaniac writer – was formed as a result of the accusations in plagiarism, regardless of the author's intention. The images of an original stylist and a bookish man deepened in the dust of ancient manuscripts were the result of not only readers' perception, but also of the communication strategy developed by Remizov. The analysis of numerous cartoons, caricatures, and parodies made it possible to trace how, by means of a parody and satirical context, due to events in Remizov's creative biography, was formed the idea of the writer's personality and of his place in the historical and literary process of the 1900–1910-s.

Keywords:
Russian literature;
Russian writers; remizovedenie; modernism; autobiographies of writers; caricatures; cartoons; skits.

Для цитирования: Вахненко, Е. Е. Литературная личность А. М. Ремизова в карикатурах, шаржах, пародиях современников (1906–1916) / Е. Е. Вахненко // Филологический класс. – 2019. – № 4 (58). – С. 170–180. DOI: 10.26170/FK19-04-22.

For citation: Vakhnenko, E. E. (2019). Remizov's Literary Person in Cartoons and Parodies of His Contemporaries (1906–1916). In *Philological Class*. No. 4 (58), pp. 170–180. DOI: 10.26170/FK19-04-22.

Восприятие образа писателя в общественном сознании не только связано с явлениями культурной жизни и развитием словесности, но и обусловлено историче-

скими, социальными, общекультурными событиями, в контексте которых он реализует творческий потенциал и заявляет о себе как о литературной единице.

Общественное мнение (художественно-литературная элита и широкая массовая аудитория) конструирует образ автора и создает представление о его литературной личности¹, которая в ходе историко-литературного процесса отличается динамичностью и изменчивостью. В представлении любого автора горизонты ожидания писателя и читателя² преимущественно должны совпадать: авторская интенция должна найти отклик у адресата, иначе автор рискует оказаться в ряду неприятных и непонятых художников. Поэтому формирование литературной личности писателя как условного образа в сознании читателя в большей степени зависит от становления его репутации, что, в свою очередь, зависит от уровня восприятия читательским сознанием художественных произведений и критических отзывов; от его активной общественной позиции (коммуникации с аудиторией через выступления, интервью, ответы на анкеты). Вторичным процессом можно назвать рецепцию внешнего облика автора, который создается в сознании читателя с погрешностью на образ, сформированный эмпирически и метафизически.

Но особую роль в формировании представления об авторе играет пародийно-сатирический контекст, который можно назвать в определенной степени второстепенным и субъективным. Однако именно он во многом способствует формированию представления о литературной личности писателя. Следует отметить, что речь может идти о двух типах пародийно-сатирического контекста. Первый тип обусловлен восприятием писателя в узкой литературной среде, среди современников, где автор известен не только как художник, но и как личность с характерными коммуникативными и поведенческими особенностями. В этой среде создается «закрытый» пародийно-сатирический контекст, понятный посвященным. Второй тип контекста обусловлен восприятием литературной личности массовой аудиторией, которой автор не известен как человек, а представлен дистанционно (через произведения, критические отзывы, официальные выступления). В этой среде создается «открытый» пародийно-сатирический контекст, который способствует формированию общего представления о литературной личности писателя. Он создается посредством субъективных оценок через жанры карикатуры, шаржа, пародии, которые доступны широкой аудитории, прежде всего, через повременную печать. Этот тип контекста менее зависим от интенции автора, поскольку представление о писателе формируется на основе общеизвест-

ных фактов, преимущественно связанных с эпатажем, скандалом или иным знаковым событием.

Проблема формирования литературной личности Ремизова 1906–1916 гг. в пародийно-сатирическом аспекте до настоящего времени не стала объектом пристального внимания специалистов. Впервые этот ракурс изучения личности и творческого потенциала писателя был намечен в статье В. Книна [Книн 1910], в которой автор собрал достаточный иллюстративный материал и передал собственные впечатления от встречи с писателем на литературном вечере, высказав мнение об эволюции художественного сознания Ремизова, незамеченной карикатуристами 1910-х гг. В монографии Е. Р. Обатниной [Обатнина 2001] появление пародий, карикатур и шаржей на Ремизова рассматривается как реакция на выступления писателя в литературно-художественной среде, а его игра в Обезьяню Великую и Вольную Палату – процесс пародирования Ремизовым реалий действительности, общественных и литературных объединений. В работе В. А. Емельянова³ освещается авторский принцип словесного карикатурирования в мемуарной книге Ремизова «Куха. Розановы письма» (1923). Несомненно, намеченная в обозначенных работах проблема требует системного описания и концептуального анализа. Поэтому цель настоящего исследования заключается в аналитическом осмыслении генезиса литературной личности Ремизова, формирования и изменения представлений о писателе, сложившихся в сознании массового читателя через восприятие пародийно-сатирических произведений, а также специфики авторского поведения и коммуникации со зрителями и читателями. Соответственно, логика изложения материала – хронологическое описание и анализ карикатур, шаржей и пародий в их событийной обусловленности – представляется наиболее удобной и обоснованной.

К собственному имиджу в литературной среде А. М. Ремизов относился весьма щепетильно. В его творческой биографии можно найти немало событий, которые могли повлечь пародийно-сатирический контекст. Например, изданная в 25 экземплярах в типографии «Сириус» эротическая повесть Ремизова «Что есть табак. Гоносиева повесть» (1908), иллюстрированная К. Сомовым. Это издание не предназначалось для продажи и получило небольшой резонанс в кругах литераторов и художников. Скандал в доме издателя С. Н. Тройницкого поставил книгу под угрозу запрещения цензурой как порнографического издания. Итогом прецедента являются изменение Ремизовым листа текста и просьба убрать фамилию издателя из каждого именного экземпляра. Эта история, несомненно, должна была повлечь ряд сатирических откликов; однако четыре лестных отзыва современников не сыграли значительной роли в становлении писательского реноме Ремизова, так как событие произошло в узкой среде единомышленников и не получило общественного резонанса. Еще один литературный скандал возник вокруг Ремизова как автора повести «Часы» (1908): тираж был конфискован, автору грозила уголовная

¹ Термин Ю. Н. Тынянова (работа «Литературный факт», 1924). В данной статье под литературной личностью понимается представление о писателе как о художественно-эстетическом феномене, которое не только отражает сложившееся общественное мнение о репутации (реноме) автора, но и во многом зависит от его творческих интенций и сознательной модели поведения, художественной стратегии, которую он выстраивает в коммуникации с читателем.

² Понятие рецептивной эстетики немецких философов-герменевтов (М. Хайдеггера, Г. Гадамера, Г. Яусса, Э. Гуссерля). В данной работе применяется рецептивный метод исследования, который в сочетании с историко-функциональным методом представляется наиболее продуктивным в определении сущности творческой личности писателя, его роли и месте в литературном процессе, обусловленных авторской коммуникативной стратегией, спецификой читательского восприятия и истолкования художественного мира писателя.

³ Емельянов В. А. Карикатура как прием (утрированные образы А. Ремизова) // Гуманитарные исследования. 2011. № 4. С. 218–224.

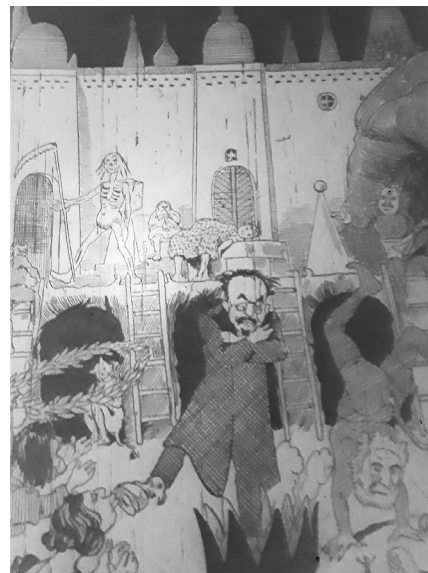
статья 128 (порнография), но она была снята и заменена на статью 1001 (скотоложество и изнасилование) [Заметка 1908]. Но и этот факт не вызвал в литературном мире пародийно-сатирического отклика, являясь сознательно незамеченным широкой аудиторией в силу его полной абсурдности.

Первым карикатурным изображением Ремизова становится рисунок Е. Н. Кругликовой, выполненный в феврале 1906 г. по поводу выступления писателя на одной из «Сред» В. Иванова. Облик Ремизова красноречиво говорит сам за себя – олицетворение нечисти (образ черта и козла) [Ремизов 2011: 192]. Изображение осталось недоступным широкому кругу читателей, но в узком кругу единомышленников имело определенное образно-символическое значение, которое впоследствии получит разрешение в массовой читательской среде. Однако в этом же году М. В. Добужинский представил карикатуру на писателя, подчеркнув его мрачный вид и всклокоченные, как у черта, волосы [Книн 1910].

В августе 1907 г. в петербургском журнале «Серый волк» был опубликован шарж на писателя: представлен проект памятника Ремизову с чертячьими хвостиками в платке-накидке, из-за которой выглядит бесенок, с характерной подписью «Алексею Ремизову. Благодарим. Нечисть» [Проект памятника 1907]. Автором рисунка является С. Городецкий, выступивший под

псевдонимом *Крючек*. М. Кузмин в дневнике отмечает: «В „Сером волке“ проекты памятника мне и Ремизову, достаточно похожие» [Кузмин 2000: 391]. Появление образа было обусловлено, во-первых, тем, что Ремизов получил первую премию на конкурсе журнала «Золотое руно» по отделению художественной прозы за рассказ «Чертик» в январе 1907 г. (премию он разделил с М. Кузминым), тем самым и особое признание в читательской аудитории. З. Гиппиус в письме В. Брюсову отметила тенденциозное увлечение авторов «Золотого Руна» inferнальной эстетикой: «Интересно, каков будет текст „Руна“ после упразднения критики и библиографии? Все сброд чертей? Я жалею, что я не послала ничего на конкурс» [Переписка 2001: 160]. Во-вторых, в литературных кругах образ Ремизова был тесно соотнесен с образом чертика. А. Блок в мае-июне 1905 г., работая над лирическим циклом «Нечаянная радость» (отдел «Весна»), посвятит Ремизову стихотворение «Болотные чертенятки» (в первоначальном варианте – «Чертенята-двойники (Мокрая сказка)»), в котором на образно-символическом уровне сблизит свой и ремизовский образы:

<...> Вот – сидим с тобой на мху
Посреди болот.
Третий – месяц наверху –
Искривил свой рот.

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.

Тише вод и ниже трав –
Захудалый черт <...>
И сидим мы, дурачки,
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед <...> [Блок 1997: 12].

В мартовском номере журнала «Перевал» писатель А. Кондратьев, близкий к эстетике символистов, откликнулся рецензией на лирическую книгу С. Городецкого «Ярь. Стихи лирические и лиро-эпические», в которой отметил тяготение А. Ремизова, Ф. Сологуба, З. Гиппиус, А. Блока, П. Соловьевой к сюжетам и образам народной демонологии, жанрам легенды, былички, предания [Кондратьев 1907]. Стихотворение Блока также вызвало поэтический отклик поэта: текст «Болотные бесенята» стал лирическим продолжением опубликованной рецензии и был адресован символистам:

Мы – безвестная нежить болот,
Изумрудной трясины сыны;
У краин немой глубины
Наше племя живет.

В полусне, при сиянии дня,
Мы таимся средь бледного мха
Там, где чахлая дремлет ольха,
Подле черного пня <...> [Кондратьев 1908].

Эффект литературной пародии заключается в максимальном сходстве с пародируемым объектом. В данном случае мы имеем дело с пародированием литературной тенденции, в обобщенном образе болотных бесенят узнается каждый из перечисленных поэтов. В этом контексте следует отметить книгу П. Соловьевой «Ёлка» с рисунками автора и Т. Н. Гиппиус, подаренную Ремизову и его дочери Наташе с посвящением от 9 декабря 1906 г. В ней помимо словесного образа бесенка представлены рисунки, которые весьма напоминают облик Ремизова и, возможно, создавались с проекцией на него [Соловьева 1906: 14, 16, 21]. Интенция к восприятию образа писателя была продиктована узкой литературной средой, навязанным контекстом для массовой аудитории.

Следующим шагом к укреплению этого образа в сознании массового читателя становится литературно-театральный скандал, разразившийся по поводу постановки пьесы Ремизова «Бесовское действие над неким мужем, а также Прение Живота со Смертью» 4 декабря 1907 г. в театре В. Ф. Комиссаржевской (во время постановки наблюдалась бурная реакция публики: свистели, шумели, кричали и аплодировали). Серия откликов, преимущественно в негативном ключе, появилась в периодической печати в течение нескольких месяцев после постановки¹. Эти статьи и заметки, несомненно, сыграли роль в формировании репутации пи-

сателя. Однако помимо публикаций особое значение имели карикатуры, пародии и шаржи, которые следует рассматривать как особую форму критики и как создание определенного реноме молодому автору-модернисту, входящему в литературную среду.

После постановки пьесы на сцене театра критик А. А. Измайлов отмечал, что зрители не смогли примириться с балаганным характером пьесы, соответственно, заключал он, «содом был невероятный и выражения протеста редкостные. „Бесовское действие“ даст надолго обильный материал фельетонистам и пародистам» [Измайлов 1907].

6 декабря в газете «Русь» А. Р. Кугель опубликовал статью, в которой признал произведение Ремизова совершенно никчемным, потешно-пестрым, сопроводил ее шаржированным рисунком С. Городецкого², где Ремизов изображен в контексте декораций I действия пьесы наблюдающим за тем, как бесы пытаются искушить праведного мужа [Ното novus 1907]. Подпись под рисунком – «Бесовское действие или прение Комиссаржевской с Малафеевым» – являлась характеристикой атмосферы, в которой прошла постановка частью в стиле балаганных маскарадных представлений режиссера В. М. Малафеева (1870-е годы), однако характер балаганного действия в условиях театра Комиссаржевской отличался от этих традиций. Как отметил критик, «вещь г. Ремизова сама по себе рискованная, одним краем упирающаяся в „Балаганчик“³, а другим – в „балаган“» [Там же]. Поэтому пьеса была воспринята как буффонада, являясь одним из первых опытов модернистского подхода к воплощению на сцене апокрифического, мистериального и лубочного сюжетов.

В это же время «Петербургская газета» отозвалась на представление в театре Комиссаржевской двумя карикатурами и сопроводительной заметкой, в которой театральный дебют Ремизова был признан «подделкой Старины, не искусной, не талантливой, беспринципной» [Мы 1907]. Наиболее выразительной критикой драматического эксперимента стали рисунки неизвестного автора: «Прения обывательского Живота с немолимой Смертью (из репертуара театра Комиссаржевской)» и «Бесовское действие насупротив публики за то, что с доверием принесла свои рублики». Первый рисунок косвенно относится к произведению Ремизова, являясь резонансным откликом на социально-политические события. Апелляция к эпатажной постановке Ремизова, которая вызвала негодование зрителей, характеризует атмосферу общественной нестабильности⁴. На втором рисунке воспроизводится декорация

² Об авторстве рисунка известно со слов Ремизова [Ремизов 2016: 42], в статье автор иллюстрации не обозначен.

³ Имеется в виду пьеса А. Блока «Балаганчик», поставленная годом ранее на сцене театра В. Ф. Комиссаржевской В. Э. Мейерхольдом.

⁴ Пьеса Ремизова стала своеобразным смысловым кодом, которым пользовались авторы, откликаясь на общественно-политические события. Так, еще в процессе репетиции пьесы произвела впечатление на художника С. Животовского, который в «Петербургской газете» опубликовал политический шарж, обыграл общественно-политическое событие через название готовящейся к постановке пьесы именно в том аспекте, в котором вскоре она будет воспринята публикой: «Бесовское действие над некоей конституцией, а также прение живота со смертью. Представление для публики в 4-х картинах» (1907. 21 нояб. № 320). Несомненно, это апелляция к «Третьеиюнь-

¹ См.: Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013) / авт.-сост. Е. Р. Обатнина, Е. Е. Вахненко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. 834 с.

I действия пьесы: пещера со святым колодезем у часовни перед монастырской оградой, где представлены шагающая Смерть с косой, бесы в привычном облачении и в виде ангелов – действие происходит в Прощеное воскресенье (бесы пытаются выманить из пещеры Некогого мужа и предать его греху, усыпив Грешную деву). Ремизов как автор «Бесовского действия» изображен в центре событий со скрещенными на груди руками (так он выходил на поклон зрителям под крики «долгой Ремизова, вон!»), одной ногой он стоит в огромной короне², а другой ногой с копытом обращен к целующей ее публике в виде контрамарочниц, которым не жалко потраченных на спектакль денег. Рядом с Ремизовым – актер К. В. Бравич в облике беса Аратыря, ему с возмущением грозит петербургская публика.

Именно этот момент – негодование публики, возмущение авторской позицией – карикатуристы использовали как повод для критических откликов. Например, автор под псевдонимом Икс резюмировал заметку о скандальном восприятии пьесы: «Публика обиделась, публика рассердилась, – авторы пьесы рассчитывали, очевидно, без хозяина, которым в театре является тот, кто платит деньги, и недоразумение между ними и публикой кончилось провалом пьесы» [Икс 1907]. В данной карикатуре мы видим не только критическую интенцию автора в осмыслении сюжета пьесы и ее литературного значения, но и попытку представить Ремизова как начинающего драматурга, в гротескной форме подчеркнув сходство с образом беса, и отобразить состояние его духовного мира.

Иронической статьей с карикатурой на Ремизова и рисунками (изображение К. В. Бравича в облике беса Аратыря и сцены пролога) откликнулся автор под инициалами М. К., который назвал «Бесовское действие» «гениальной симфонией хвостов», она «открывает новую философскую плоскость: философию хвостов» [М. К. 1907: 6]. На рисунке автор пьесы представлен в виде черта, сидящим на корточках, сгорбившись, вокруг его фигуры – длинный хвост с пушистой кисточкой. Бесовский облик писателя, представленный преимущественно в карикатурном плане с единственной целью его высмеять, надолго укрепится в представлении современников, станет штампом в восприятии художественной манеры и личности Ремизова, а репутация писателя будет овеяна ореолом inferнальности. Это подтверждает и рисунок А. Тавица, опубликованный в заключительном номере «Стрекозы», где изображен огромный роста полуобнаженный бес с крыльями

скому перевороту» 1907 г., как и в юмористическом рассказе Медузы-Горгоны (псевд. А. Аверченко) «Бесовское действие над некоторым народом» («Сатирикон (Стрекоза)», 1907. № 33).

¹ А. Герцык в письме характеризует отношение Ремизова к негодованию публики: «Лучше всего было, когда после второго акта стали вызывать Ремизова, и он вышел на сцену (в аду) и стоял в длинном шевитовом сюртуке, странно сложив руки на груди, с торчащими волосами, а у его ног легли все 40 чертей, участвовавших в этом акте, – ужасные хари, хвостатая нечисть окружила его, но он казался самым настоящим из всех чертей. Черные глаза его горели, и он стоял неподвижно, не кланяясь, а театр гудел, стонал от восторга, и ему поднесли огромный венок» [Герцык 1999: 167]. В шарже А. Любимова писатель также изображен со скрещенными на животе руками, ссутулившись и угрюмый [Любимов 1907: 847].

² Корона являлась частью декораций к I действию пьесы. См. рисунки М. В. Дубужинского в «Биржевых ведомостях» за 11 дек. (№ 10247. С. 5).

ангела и мощным хвостом, он звонит в дверь с визиткой «А. Ремизов» [Тавиц 1907].

Позднее Ремизов в книге воспоминаний «Петербургский буерак» даст оценку этому театральному дебюту, отметив его влияние на формирование образа писателя: «„Бесовское действие“ было вызовом – наперекор погоне за утонченностью петербургских эстетов <...> Скандалы на спектаклях и газетные отзывы и ругательные письма – подняли мое имя <...>. Известность сомнительная, пожалуй, и скандальная» [Ремизов 2003: 180].

16 декабря в журнале «Серый волк» появился шарж на постановку пьесы, где Ремизов изображен сидящим на шее у испуганной В. Ф. Комиссаржевской, вокруг него – нечисть. Этот шарж не только демонстрирует скандальный итог постановки, но имеет более глубокую коннотацию: отражение тяжелой атмосферы, в которой готовилась постановка (цензурные прения, предвещающие премьеру, повлиявшие на содержание пьесы и авторскую позицию³, уход В. Э. Мейерхольда из театра в разгаре работы над пьесой⁴, предстоящий отъезд актрисы в Америку, которая не участвовала в действе, но курировала его подготовку и пропустила на сцену). Рисунок сопровождался текстом: «Бесовское действие. Черти и бесы и Ремиз на шее, / Хоть бы в Америку мне поскорее...» [Шарж на постановку... 1907].

В январском номере журнала «Зритель» появилась карикатура на Ремизова без сопроводительной статьи: автор пьесы изображен испуганным, со вздыбленными волосами, кричащим, забравшимся на длинный шест (актер А. П. Зонов играет в детскую игру Калечина-Малечина, описанную Ремизовым в книге сказок «Посолонь», 1907), который несет на огромном животе полузверь-получеловек с четырьмя лапами, хвостом и оскаленной пастью (по сюжету – демон Тимелих). Неизвестный автор учитывал скандальный резонанс, который затронул не только элитарного зрителя, но и увлек широкую публику. Надпись характерна: «Бесовское действие над Ремизовым» [Бесовское действие... 1908]. Карикатура является не только критической реакцией на неудачную премьеру пьесы, но и отражением художественных интересов автора к бесовской теме и к миру сказки, психологии детской игры. Ремизов прекрасно понимал, что карикатурное изображение в случае его разумного появления (без унижения и дискредитации личности) несколько не умаляет авторской индивидуальности, более того, способствует восприятию образа писателя в эмоционально-критическом ракурсе: «Непонятливые часто говорят про портреты: „Карикатурно“. Однако, карикатурность – вовсе не недостаток <...> По мне: лучший портрет тот, где карикатурно, а значит, не безразлично» [Анненков 1991: 220].

Кроме визуальных представлений Ремизова в inferнальном контексте последовали словесные пародии на автора пьесы и ее постановку. Известный критик

³ Письма Ремизова в журналы о сокращении пьесы (Жизнь-сцена. 1907. № 3/4; Товарищ. 1907. 12 дек. № 447); статьи Г. И. Чулкова о цензурной правке пьесы и полемике с цензорами (Товарищ. 1907. 6 дек. № 442; 12 дек. № 447), редакторская заметка-опровержение (Товарищ. 1907. 11 дек. № 446).

⁴ Событие неоднократно освещалось в декабрьской периодике 1907 г. и было иронически интерпретировано в журнале «Стрекоза» как раскол мнений о бесовских хвостах [М. К. 1907: 7].

А. А. Измайлов, приверженец классической литературной традиции, в редактируемой им газете «Биржевые ведомости» поместил стихотворную пародию «Поток богатырь на „Бесовском действе“», которая усилила негативное впечатление широкой публики от постановки («Ремизова сказ было ставить не след») и создала образ сатирически осмеянного писателя-неудачника. Автор намеренно использует демократичные в плане языка и стиля выражения, которые привлекают, прежде всего, массового читателя:

<...> Не скажу, чтобы жанр этот очень хорош
И прогресса не вижу с наперсток.
Хоть искусство-модерн я не смею судить,
Но за этим не стоило долго ходить.
В наш бы век (не служили бы моде)
Мы сказали про это – «дерьмо де»

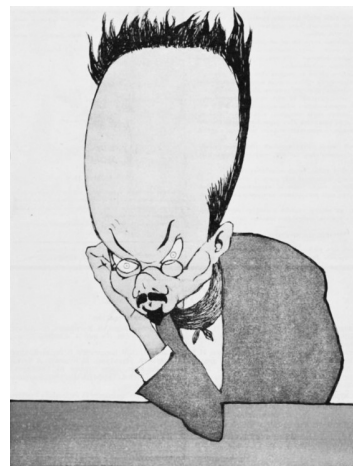
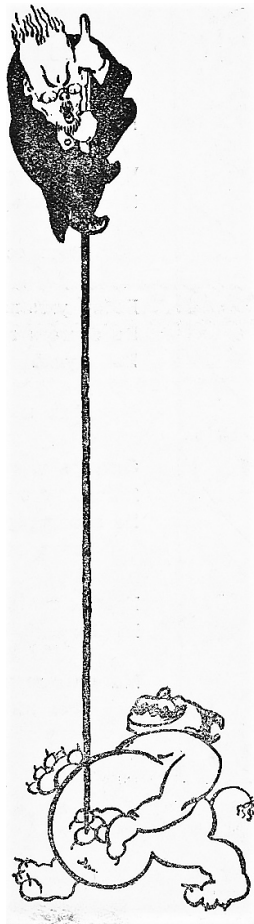
[Измайлов 1907а].

В этой же газете следом за опусом Измайлова последовала пародия Исидора Гуревича «Прение Живота со Смертью. (Бесовское действо над здравым смыслом)», в которой автор, подписавшийся рецензентом, в виде сценки представил реакцию публики на постановку пьесы, а также позицию автора – знатока inferнального мира: «Благодарю, не ожидал! Вам привет, кланяюсь я низко, кланяюсь вам низ-ко... Горя нет, – авторские близко... авторские близко!.. Хоть в аду я был, сатанинской гордостью я не одержим» [Г-ч 1907].

Итогом этого пародийно-сатирического ряда текстов и изображений становится шаржированный портрет писателя известного художника Ре-Ми, опубликованный в журнале «Сатирикон». Ремизов со вздыбленными волосами представлен в образе мыслителя и ученого. Надпись к рисунку уже не связана напрямую с конкретным событием – постановкой «Бесовского действия», она работает как характеристика образа писателя в целом: «Специалист по чертям. Среди нежити чувствует себя, как дома. Шишигу от чиганашки различает с первого взгляда. Занят составлением монографии о кикиморах. Если на том свете попадет в рай – будет чувствовать себя прескверно. Любимый герой его – бес Аратырь» [Ре-Ми 1908].

Именно этот пример демонстрирует, как в сознании читателя, далекого от ремизовского круга, формируется представление о литературной личности писателя: содержание критических статей и заметок постепенно стирается из памяти, а визуальные образы, представленные в карикатурно-шаржированном виде, когда внимание акцентировано на одной характерной черте образа, запоминаются и впоследствии ассоциативно связываются с личностью писателя. Надписи, нередко сопровождающие рисунок, раскрывают замысел и помогают читателю интерпретировать карикатуру или шарж в нужном ракурсе.

К 1908–1909 гг. образ Ремизова воспринимался преимущественно в демоническом контексте как в широкой читательской аудитории, так и в узком литературном кругу. В сентябре 1908 г. в письме Ремизову С. Городецкий изобразит писателя, которому два черта нашептывают в уши [ОР РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 9], а в апреле 1909 г. Иванов-Разумник в открытом письме представит акrostих, содержание которого однозначно передает это восприятие:

Алеют зори бледными лучами;
Летит замерзший, потерпевший лист,
Едва заметный в поле под ногами...
Как воздух ночи холоден и чист!
Сквозь туч гряды кружит за облаками
Ездок небесный, бледен и лучист.
И тучи тихо сходятся толпами –
Развеет их полночью ветра свист.
Едва разгонит тучи ветер ночью –
Мы вступим в круг нежданной тишины,
И страшное мы узрим тут во-очью:
Змей и чертяк, исчадий Сатаны...
О, как с тобой мне быть тогда отрада:
Ведь ты знаком со всем исчадьем ада!

[ОР РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 115. Л. 14].

В 1910 г. В. Книн, незнакомый с Ремизовым, вспоминает о вечере, где писатель читал свои произведения; его поведение и облик соответствовали образу, созданному посредством пародии, шаржа и карикатуры: «Ремизов одиноко бродил около стенок, в черном сюртуке, хмурился, словно чем-то недовольный или больной. И все так осторожно, осторожно делал: осторожные движения почти без жестов, иногда конфузливая улыбка, сам сгорбленный, сутулый, нос кверху, на носу неизменные очки, и крупнейший лоб, и черные волосы торчком... Так вот он каков! Специалист по чертям...» [Книн 1910: 301]. Этот образ в шаржированном портрете передаст московский художник-карикатурист Поль Мак (наст. имя – П. П. Иванов) [Неизданная переписка... 1981: 100].

В юмористическом журнале «Оса» с этим шаржем перекликается работа неизвестного автора, созданная по резонансному поводу – обвинение А. М. Ремизова в плагиате за публикацию двух народных сказок «Мышонок» (Италии: Лит. сб. СПб., 1909) и «Небо пало» (Всемирная панорама. 1909. № 5, 22 мая) под собственным именем без указания на их фольклорную природу¹. Среди цикла желчных заметок и статей эта карикатура является единственным комическим изображением, наглядно представляющим словесный образ Ремизова-«списывателя»: высоколобый хмурый писатель в очках (стекла с белыми вертикальными полосами) со вздыбленными волосами и массивным белым воротником, словно хомут обхватывающим тонкую шею [Новейшее бюро 1909]. Это не единственное изображение писателя-«плагиатчика»; по воспоминаниям Ремизова, едкая и злая карикатура была размещена в московском периодическом издании: «Москва встретила меня карикатурой: жиром заплывшая морда, по носу узнаю себя, пауком среди книг, в руках ножницы, а подпись: „писатель или списыватель?“» [Ремизов 2003: 189].

Но в узкой литературной среде Ремизов воспринимался как умнейший человек своего времени (З. Гиппиус) и великолепный стилист, как автор завораживающей книги сказок «Посолонь», цикла апокрифов, легенд и преданий «Лимонарь. Сиречь Луг духовный», создатель Великой и Вольной Обезьяньей Палаты, особой формы социальной и литературно-художественной игры.

30 октября 1908 г. в Москве открылась выставка «Искусство в жизни ребёнка», на которой А. Ремизов и С. Городецкий читали свои произведения. В столичных газетах появились заметки о том, что «многочисленная публика не оценила наших талантливых молодых поэтов С. Городецкого и А. Ремизова» [Ре-Ми 1908а]. Карикатурой на событие отозвался художник Ре-Ми, который в декабрьских выпусках газеты «Утро» и журнала «Сатирикон» изобразил этот тандем: на пьедестале А. Ремизов, отвернувшись от публики, читает свое произведение, на его плечах лицом к зрителям расположился С. Городецкий. Уникальность карикатуры в том, что она работает в двух знаковых системах – вербальной и невербальной (как изображение и как текст); каждая часть несет определенную смысловую нагрузку: рисунок и надпись к нему передают суть произошедшего, а стилизованный текст, оформленный как речь Городецкого и Ремизова, раскрывают специфику авторского языка и стиля: «С. Городецкий – Яри мя, Ярила, очима сверкая... уже князь зарится... / А. Ремизов – На Плющихе завараксили в махонькия!

¹ См.: Данилова И. Ф. Писатель или списыватель? (К истории одного литературного скандала) // История и повествование: сб. ст. М.: НЛО, 2006. С. 292–316; Литературная сказка А. М. Ремизова (1900–1920-е годы). Helsinki, 2010; На вечерней заре: Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 г. / предисл. и коммент. Е. Р. Обатиной // Русская литература. 2015. № 3. С. 153–203; Вахненко Е. Е. А. М. Ремизов в изданиях С. М. Проппера «Биржевые ведомости» и «Огонек»: к истории сотрудничества (1907–1911) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 79–92.

² Миров Мих. Писатель или списыватель? (Письмо в редакцию) // Биржевые ведомости. 1909. 16 июня. № 1160. С. 5–6.

По промоинам куёвдил калабалык сычугом клюквенным!» [Там же].

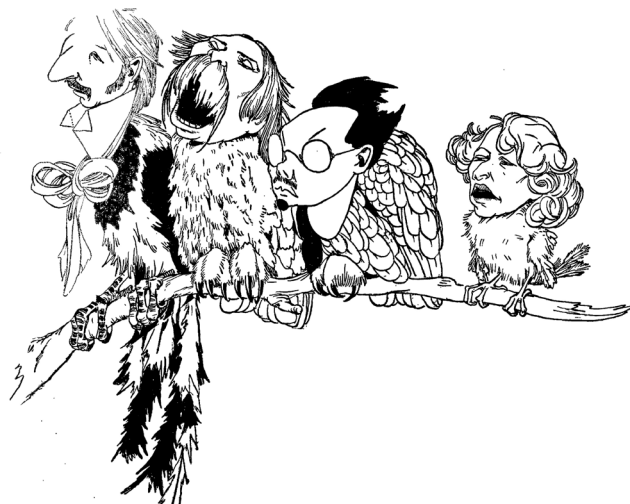
По этому же поводу в сборнике «Незлюбивые пародии» появляется произведение Е. Девьера «Алексей Ремизов. Трагедия: (Мистико-анархический рассказ)». Литературная пародия, в отличие от карикатуры и шаржа, тесно связана с отражением в тексте «второго плана»³ восприятия – иронического осмысления пародистом авторской интенции, художественно-эстетических ценностей писателя, специфики мировосприятия. Обличительная сторона пародии помогает как осознать художественную ценность произведения или значимость его автора, так и полностью нивелировать их. Пародия Е. Девьера относится к разряду шуточных пародий. Она беззлобная, не стремится дискредитировать объект, в отличие от отрицающей, критической пародии А. Измайлова на «Бесовское действие». Эффект от юмористических пародий часто позитивен для формирования репутации писателя, он способствует укреплению в сознании массового читателя представления о художественном мире автора, его оригинальности и самобытности. В данном случае автор повторяет мысль Ре-Ми, подчеркивает своеобразие языка Ремизова, в гиперболизированной форме демонстрирует приверженность автора «Посолони» к диалектной лексике и стилизации: «У Плющихи завараксили в махонькие чирь-бири, чирь-бири, кулдык; чирь-бири, чирь-бири, кулдык. Плясовица под забором куевдилась: жиганила, в углу подъялдонивала. Привереды по промоинам трепыхала. Слам тырбанила. Кувьки каверзила. Звездоньки лу-у-чистыя высыпали <...>» [Девьер 1908].

Одним из жанровых вариантов литературной пародии можно назвать шуточное озорное стихотворение, которое в своей основе не содержит критической оценки и направлено на создание комического эффекта через подражание авторскому стилю. Так, в стихотворении Э. Паперной «Алексей Ремизов», датированном 1909 г.⁴, была представлена ремизовская манера письма с использованием диалектной и устаревшей лексики: «Смрад от козла пошел. Пахкий, желтый смрад. Загозила старуха: „Ух, хорошо. Люблю“. А козел кобычится, копытом в брюхо: „Уйду я от тебя, наняла ты мне. В лесу шишки сосновые, дух земный, ярый“. Убег, копытами зацыкал, аж искры пых, пых <...>» [Паперная 1926].

Пародийно-сатирический контекст наиболее актуален в переломные эпохи, когда происходит отход от традиций и утверждение новых художественных ориентиров. Тогда объектом и предметом осмеяния становятся не только личности, но и целые литературные объединения и процессы. В 1909 г. и 1915 г. в повременных изданиях появились три сатирических изображения писателей, в числе которых изображен Ремизов.

³ Терминология Ю. Н. Тынянова. См. работы: «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» (1921), «О пародии» (1929).

⁴ Э. Паперная, один из авторов сборника «Парнас дыбом», впервые опубликованного в 1925 г., неслучайно датирует текст 1909 г. Эта дата является для читателя указанием на увлечение Ремизовым в этот период диалектной и устаревшей лексикой, а также намеком на прецедентное событие в литературном мире – обвинение писателя в плагиате.

Первая работа – шарж С. Заборовского на модернистов с говорящим названием «На распутье» (вариант картины Васнецова «Витязь на распутье»), где А. Ремизов с А. Блоком, С. Городецким, В. Брюсовым, Л. Андреевым, А. Рославлевым и М. Кузминым представлены в хаотическом кружении (каждый тянет в свою сторону) на поле среди столпов русской классики, изображенных в виде памятников Л. Толстому, И. Тургеневу, А. Чехову [Ремизов 1982: 345]¹. В данном случае мы имеем дело с пародийным интертекстом: использованием художественного полотна Васнецова «Витязь на распутье» как прецедентного текста, который в новом контексте приобретает иной смысл, но сохраняет первоначальное значение. Обвинение современных авторов в декадентстве и экспериментах со словом отразилось и в шаржированном рисунке художника Г. Петтера «Аргонавты», на котором А. Ремизов изображен в числе сотрудников символистского журнала «Золотое руно» (в компании Сологуба, Блока, Городецкого, Балмонта), которые, подобно аргонавтам, являют миру новый свет слова (апелляция к произведениям А. Белого «Аргонавты», «Золотое руно», а также к раннему поэтическому сборнику «Золото в лазури», в котором отчетливо обозначен образ аргонавтов, стремящихся

к солнцу, поэтов, которые, подобно пророкам, несут людям истину) [G. P. 1909].

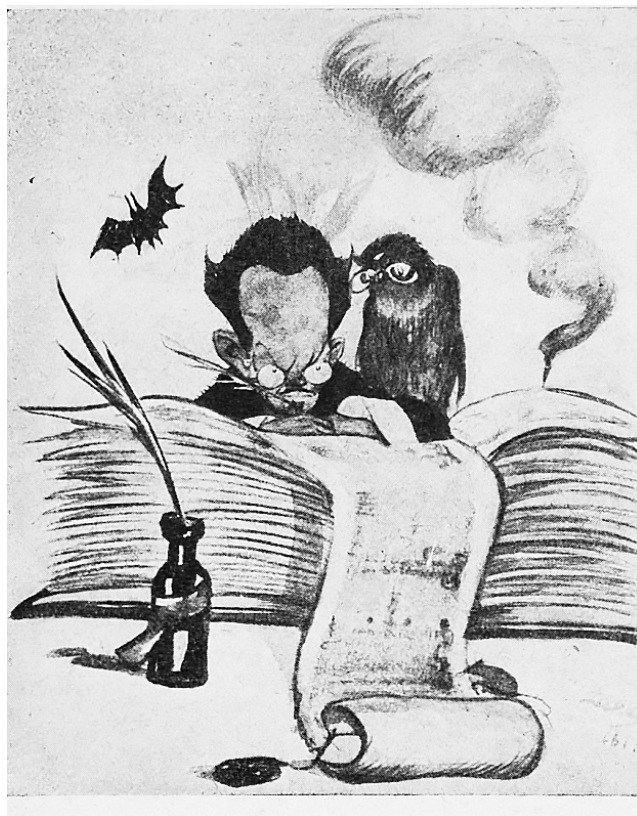
Одним из масштабных по форме сатирических изображений современного состояния русской литературы является шарж Ре-Ми «Салон ее светлости русской литературы» (1909), где представлены тридцать восемь писателей, в числе которых находится и А. Ремизов, который однозначно изображен в образе черта, сидящим на левой ладони А. И. Куприна [Ре-Ми 2007]. Несомненно, такая коннотация образа Ремизова как начинающего писателя-модерниста, уместяющегося на ладони известного прозаика, является отражением сложившегося в массовом сознании представления о творческом потенциале автора и о характерных особенностях личности.

В 1915 г. на страницах журнала «Рудин» появилась злая карикатура А. Д. Топикова (псевдоним студента Академии художеств Е. И. Праведникова) на участников петербургской литературной группы «Краса» – изображение птиц (аналогия с птицей Сириной), сидящих на ветке, с лицами С. Городецкого, Н. Клюева, А. Ремизова и С. Есенина. А. Ремизов представлен в уже сложившейся карикатурной манере: высоколобый, в широких очках, с бородкой и взъерошенными волосами. Рисунок сопровождал памфлет Л. Храповицкого (псевдоним Л. Рейснер, учредителя журнала), в котором иронически излагалась программа выступлений группы «Краса» в концертном зале Тенишевского училища 25 октября 1915 г. Это было первое и последнее их выступление, которое вызвало негодование публики и окончилось провалом. А. Ремизов, согласно афише, выступал со «Сло-

¹ Сюжет Васнецова неоднократно использовался карикатуристами. Так, в «Стрекозе» (1907, выпуск между № 47 и № 48) Ре-Ми изобразил в шарже беспомощность власти: под рисунком богатыря на коне – подпись: «П. А. Харитонов. – Поехать – поеду, но куда и как заеду – и сам того не знаю». Также художник А. Любимов карикатурно представил декорации к Прологу пьесы Ремизова «Бесовское действо», где встреча Живота (в виде богатыря на коне) со Смертью происходит у камня «Распутье» [Любимов 1907].

вом»¹. По воспоминаниям Пимена Карпова, появление на сцене участников «Красы», их внешний облик и манера чтения, произвели ошеломляющий эффект: «<...> В зале прозвенел звонок. Закоперщиком-конферансом вышел Сергей Городецкий, одетый под стрюцкого в клетчатые штаны. За ним – курносый, дьякообразный Алексей Ремизов в длиннополом сюртуке. А дальше – Клюев в сермяге, из-под которой топорщилась посконная рубаха с полуфунтовым медным крестом со старинной цепью на груди. И под конец – златокудрый Лель – Есенин, в белой шелковой рубашке и белых штанах, вправленных в смазные сапоги. Трехаршинная ливенка оттягивала ему плечи» [Азадовский 1985: 424]. Pamфлет Л. Рейснер представляет оценку поэзии как псевдонародную, а позиция Ремизова характеризуется так: «Недаром и Ремизов, „старец-угрюмец“ сорок лет на одном месте простоял, „камень не камень“, твердый, как камень» [Храповицкий 1915: 16]. На выступление «Красы» критической статьей и поэтической сатирой отозвался «Журнал журналов», автор отметил искусственное подражание народному стилю через характеристику авторской манеры чтения. Образ Ремизова представлен созвучно памфлету Л. Рейснер – старец в книжной пыли и паутине: «<...> Вот и Ремизов Алеша / В паутине и в пыли / Голос – старая калоша... / Ой-дид-ладо, ой-люли!» [Краса 1915].

Последними дореволюционными шаржами на Ремизова были работы С. Городецкого, художников Дени и Аболина. Шарж С. Городецкого сопровождал публикацию сказки Ремизова «Облаежа» [Ремизов 1916: 5]. Как и рисунок Дени, шаржи Городецкого и Аболина сохранили ставшие уже традиционными в восприятии Ремизова черты: вздыбленные волосы, хмурые сдвинутые брови, очки, усы и борода. Внешний облик писателя был максимально сближен с чертом. Но подпись под рисунком «А. Ремизов. (Сказочных дел мастер)» [Аболин 1916] носит иронический подтекст, коррелируя с изображением. Карикатурист Дени кроме внешнего inferнального сходства подчеркнул особенности художественного мира Ремизова, который изображен в образе широколобого угрюмого старца в очках с взерошенными волосами, тружеником, закопавшимся в горе древних манускриптов в окружении нечисти: летучая мышь, птица на плече (филин или Сирина), мышь на манускрипте [Дени 1916]. Именно в этом ракурсе в 1910-е годы преимущественно в сознании массового читателя сложится представление о литературной личности Ремизова, которое он в период эмиграции по-

пытается скорректировать, мистифицируя аудиторию шуточными замечками о себе самом, анекдотами и нелепыми историями².

Итак, сочетание словесного и визуального пародийно-сатирического ряда произведений, объектом которого становится личность А. М. Ремизова, создает в сознании массового читателя эффект своеобразной критической оценки и позволяет рассматривать личность автора и его творческий потенциал в ореоле особого рода условности, претендующей на достоверность. Представления о литературной личности писателя формируются не только опосредованно (через периодическую печать): особая коммуникативная стратегия – установка Ремизова на скандал или эпатаж публики, намеренное фразирование читательской аудитории и участников литературных мероприятий во многом способствовала не только появлению многочисленных комических рисунков и пародийных текстов, но и позволила Ремизову сформировать миф о себе как о независимой литературной единице, уникальном и самобытном писателе, который не только отразил эпоху, но и занял определенное место в литературном процессе 1910-х годов.

¹ Под таким названием Ремизов читал сказ, который в 1915 г. с иллюстрацией П. И. Львова был напечатан под названием «Укрепя Слово». Первые строки произведения стали основой для пародирования: «Камень не камень, твердынное, как камень, чистым серебром окладенное, лежало слово на русской земле» [Ремизов 1915: 5].

² Подробнее см.: Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013) / авт.-сост. Е. Р. Обатнина, Е. Е. Вахненко. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. 834 с.

ЛИТЕРАТУРА

- <Аболин>. <Шарж на А. Ремизова> // Стрекоза. – 1916. – № 40. – С. 1.
Азадовский К. Клюев и Есенин в октябре 1915 года (по материалам дневника Ф. Ф. Фидлера) // Cahiers du monde russe et soviétique. – 1985. – Vol. 26. – Issue 3–4. – P. 413–424.

- Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1991. – Т. 1. – 346 с.
- Бесовское действо над Ремизовым // Зритель. – 1908. – № 1. – С. 12.
- Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 томах. – М.: Наука, 1997. – Т. 2. Стихотворения. Книга вторая (1904–1908). – 896 с.
- Г-ч И. <Гуревич И. Я.>. Прение Живота со Смертью. (Бесовское действо над здравым смыслом) // Биржевые ведомости. – 1907. – 12 дек., веч. вып. – № 10249. – С. 4.
- Герцык А. К. «...Неповторимый в своих сочетаниях момент»: Письма А. К. Герцык к родным и друзьям // Новый мир. – 1999. – № 5. – С. 156–184.
- Девьер Е. Алексей Ремизов. Трагедия: (Мистико-анархический рассказ) // Незлобивые пародии. Стихи, беллетристика, критика / собрал Абель. – М., 1908. – С. 109–110.
- Дени <Денисов В. Н.>. Писатель Алексей Ремизов // Огонек. – 1916. – № 22. – С. 15.
- <Заметка> // Речь. – 1908. – 10 апр. – № 86. – С. 5.
- Измайлов А. «Бесовское действо над неким мужем, а также прение Живота со Смертью» в театре Комиссаржевской // Русское слово. – 1907. – 7 дек. – № 281. – С. 4.
- Измайлов А. Поток богатырь на «Бесовском действе» // Биржевые ведомости. – 1907а. – 9 дек., утр. вып. – № 10244. – С. 3.
- Икс. Театр Комиссаржевской. «Бесовское действо», представление А. Ремизова // Речь. – 1907. – 6 дек. – № 228. – С. 4.
- Книн В. Ремизов в карикатурах // Вестник литературы. – 1910. – № 11. – Стб. 300–304.
- Кондратьев А. Болотные бесенята // Сатирикон. – 1908. – № 29. – С. 7.
- Кондратьев А. Сергей Городецкий. Ярь // Перевал. – 1907. – № 3. – С. 57–58.
- «Краса». Вдохновенный отчет // Журнал журналов. – 1915. – № 30. – С. 9.
- Кузмин М. А. Дневник 1905–1907 / предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. – 608 с.
- Любимов А. Драматический театр. «Бесовское действо над неким мужем или прение живота со смертью» А. Ремизова // Театр и искусство. – 1907. – № 50. – С. 841, 847.
- М. К. Театр Комиссаржевской. «Бесовское действо над неким мужем, а также прение Живота со Смертью», представление для публики в 3-х действиях с прологом и эпилогом Алексея Ремизова, Божьего человека // Стрекоза. – 1907. – № 49. – С. 6–7.
- Мы. Старинный театр – Прение живота со смертию // Петербургская газета. – 1907. – 9 дек. – № 338. – С. 4.
- Неизданная переписка Блока: Переписка с А. М. Ремизовым (1905–1920) / вступ. ст. З. Г. Минц; публ. и коммент. А. П. Юловой // Литературное наследство. – М.: Наука, 1981. – Т. 92. Кн. 2: Александр Блок. Новые материалы и исследования. – С. 63–127.
- Новейшее бюро // Оса. – 1909. – № 9. – С. 7.
- Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. – СПб.: Иван Лимбах, 2001. – 383 с.
- ОР РНБ [Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки]. – Ф. 634. – Оп. 1. – Ед. хр. 95.
- ОР РНБ [Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки]. – Ф. 634. – Ед. хр. 115.
- <Паперная Э.>. Алексей Ремизов // Парнас дыбом. Про: козлов, собак и Веверлеев. – Харьков: Космос, 1926. – С. 48.
- Переписка З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Д. В. Философа с В. Я. Брюсовым (1906–1909) // Литературоведческий журнал. – 2001. – № 15. – С. 124–347.
- <Проект памятника А. М. Ремизову> // Серый волк. – 1907. – № 5. – С. 80.
- Ре-Ми <Ремизов Н. В.>. Алексей Ремизов // Сатирикон. – 1908. – № 7. – С. 12.
- Ре-Ми <Ремизов Н. В.>. На выставке «Искусство в жизни ребенка» // Сатирикон. – 1908а. – № 37. – С. 7.
- Ре-Ми <Ремизов Н. В.>. Салон ее светлости русской литературы // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь / гл. ред. П. А. Николаев. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 2007. – Т. 5: П-С <Вклейка между с. 480–481>. – (Русские писатели 11–20 вв.).
- Ремизов А. М. Кукка: Розановы письма / сост., подгот. текста, ст., коммент. Е. Р. Обатниной. – СПб.: Наука, 2011. – 609 с. – (Лит. памятники).
- Ремизов А. Облаежа: Народная сказка // Свободный журнал. – 1916. – № 1. – С. 5.
- <Ремизов А. М. Переписка> / публ. Н. В. Котрелева, Р. Д. Тименчика // Литературное наследство. – М.: Наука, 1982. – Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. – Кн. 3.
- Ремизов А. М. Собрание сочинений. – М.: Русская книга, 2003. – Т. 10. Петербургский буерак. – 592 с.
- Ремизов А. Собрание сочинений / РАН ИРЛИ (Пушкинский Дом). – СПб.: Издательство «Росток», 2016. – Т. 12: Русалия. – 991 с.
- Ремизов А. Укрепа. Слово // Новый журнал для всех. – 1915. – № 8. – С. 5–6.
- Соловьева П. (Allegro). Елка. Стихи для детей. – СПб., 1906. – 54 с.
- Тавиц А. Визитер у Алексея Ремизова // Стрекоза. – 1907. – № 52. – С. 14.
- Храповицкий Л. <Рейснер Л.>. «Краса» // Рудин. – 1915. – № 1. – С. 16.
- <Шарж на постановку «Бесовского действия» Ремизова> // Серый волк. – 1907. – № 24. – С. 387.
- Г. Р. <Петтер>. Аргонавты // Мефистофель. – 1909. – № 8. – С. 3.
- Homo novus <Кугель А. Р.>. Драматический театр: («Бесовское действо» над неким мужем, а также прение живота со смертью А. Ремизова) // Русь. – 1907. – 6 дек. – № 327. – С. 5.

REFERENCES

- <Abolin>. (1916). <Sharzh na A. Remizova> [Cartoon on A. Remizov]. In *Strekoza*. No. 40, p. 1.
- Azadovskii, K. (1985). Klyuev i Esenin v oktyabre 1915 goda (po materialam dnevnika F. F. Fidler) [Klyuev and Yesenin in October 1915 (Based on Materials from the Diary of F. F. Fidler)]. In *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 26. No. 3–4, pp. 413–424.
- Annenkov, Yu. (1991). *Dnevnik moikh vstrech: Tsikl tragedii: v 2 t.* [Diary of My Meetings: The Cycle of Tragedies, in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literature. Vol. 1. 346 p.
- Besovskoe deistvo nad Remizovym [Demonic Action over Remizov]. (1908). In *Zritel'*. No. 1, p. 12.
- Blok, A. A. (1997). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 tomakh* [Complete Works and Letters, in 20 vols.]. Moscow, Nauka. Vol. 2. *Stikhotvoreniya. Kniga vtoraya (1904–1908)*. 896 p.
- Dev'er, E. (1908). *Aleksei Remizov. Tragediya: (Mistiko-anarkhicheskii rasskaz)* [Alexey Remizov. Tragedy: (A Mystical-anarchist Tale)]. In *Nezlobivye parodii. Stikhi, belletristika, kritika / collected Avel'*. Moscow, pp. 109–110.
- Deni <Denisov, V. N.> (1916). *Pisatel' Aleksey Remizov* [Writer Alexey Remizov]. In *Ogonek*. No. 22, p. 15.
- G-ch I. <Gurevich, I. Ya.>. (1907). *Prenie Zhivota so Smert'yu. (Besovskoe deistvo nad zdravym smyslom)* [Debate of the Belly with Death. (Demonic Action over Common Sense)]. In *Birzhevye vedomosti*. 12 December. No. 10249, p. 4.
- Gertsyk, A. K. (1999). «...Nepovtorimiy v svoikh sochetaniyakh moment»: Pis'ma A. K. Gertsyk k rodnym i druz'yam ["... A Moment Unique in its Combinations": Letters by A. K. Gertsyk to Relatives and Friends]. In *Novyy mir*. No. 5, pp. 156–184.
- G. P. <Petter, G.> (1909). *Argonavty* [Argonauts]. In *Meфistofel'*. No. 8, p. 3.
- Homo novus <Kugel', A. R.> (1907). *Dramaticheskii teatr: («Besovskoe deystvo» nad nekiim muzhem, a takzhe prenie zhivota so smert'yu A. Remizova)* [The Drama Theater: ("Demonic Action" over Some Husband, as Well as Debate of the Belly with the Death by A. Remizov)]. In *Rus'*. 6 December. No. 327, p. 5.

- Izmaylov, A. (1907). «Besovskoe deystvo nad nekiim muzhem, a takzhe prenie Zhivota so Smert'yu» v teatre Komissarzhevskoy ["Demonic Action over Some Husband, as Well as the Debate of the Belly with Death" at the Komissarzhevskaya Theater]. In *Russkoe slovo*. 7 December. No. 281, p. 4.
- Izmaylov, A. (1907). Potok bogatyr' na «Besovskom deystve» [Flow Hero on "Demonic Action"]. In *Birzhevye vedomosti*. 9 December. No. 10244, p. 3.
- Iks. (1907). Teatr Kommissarzhevskoy. «Besovskoe deystvo», predstavlenie A. Remizova [Theater Kommissarzhevskaya. "Demonic Action", Presentation by A. Remizov]. In *Rech'*. 6 December. No. 228, p. 4.
- Khrapovitskiy, L. <Reysner, L.>. (1915). «Krasa» ["Beauty"]. In *Rudin*. No. 1, p. 16.
- Knin, V. (1910). Remizov v karikaturakh [Remizov in Caricatures]. In *Vestnik literatury*. No. 11. col. 300–304.
- Kondrat'ev, A. (1908). Bolotnye besenyata [Swamp Demons]. In *Satirikon*. No. 29, p. 7.
- Kondrat'ev, A. (1907). Sergey Gorodetskiy. Yar' [Sergey Gorodetsky. Yar]. In *Pereval*. No. 3, pp. 57–58.
- «Krasa». Vdokhnovennyi otchet ["Beauty". Inspirational Report]. (1915). In *Zhurnal zhurnalov*. No. 30, p. 9.
- Kuzmin, M. A. (2000). *Dnevnik 1905–1907* [The Diary 1905–1907] / foreword, text and comments by N. A. Bogomolov, S. V. Shumikhin. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha. 608 p.
- Lyubimov, A. (1907). Dramaticheskii teatr. «Besovskoe deystvo nad nekiim muzhem ili prenie zhivota so smert'yu» A. Remizova [The Theatre of Drama. "Demonic Action on Some Husband or the Debate of the Belly with Death" by A. Remizov]. In *Teatr i iskusstvo*. No. 50, pp. 841, 847.
- M. K. (1907). Teatr Kommissarzhevskoy. «Besovskoe deystvo nad nekiim muzhem, a takzhe prenie Zhivota so Smert'yu», predstavlenie dlya publiky v 3-kh deystviyakh s prologom i epilogom Alekseya Remizova, Bozh'ego cheloveka [The Theater Kommissarzhevskaya. "Demonic Action on Some Husband, as Well as the Debate of the Belly with Death", a Performance for the Public in 3 Acts with the Prologue and Epilogue of Alexei Remizov, God's Man]. In *Strekoza*. No. 49, pp. 6–7.
- My. (1907). Starinnyy teatr – Prenie zhivota so smertiyu [Ancient Theater – Stomach Debate with Death]. In *Peterburgskaya gazeta*. 9 December. No. 338, p. 4.
- Neizdannaya perepiska Bloka: Perepiska s A. M. Remizovym (1905–1920) [Block's Unpublished Correspondence: Correspondence with A. M. Remizov (1905–1920)]. (1981) // foreword by Z. G. Mints, published by A. P. Yulova. In *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, Nauka. Vol. 92, Part 2. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya, pp. 63–127.
- Noveyshee byuro [New Bureau]. (1909). In *Osa*. No. 9, p. 7.
- Obatnina, E. (2001). *Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'yan'ya Velikaya i Vol'naya Palata A. M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyk and his Subjects: Monkey the Great and Free Chamber of A. M. Remizov in Persons and Documents]. Saint Petersburg, Ivan Limbakh. 383 p.
- OR RNB [Manuscript Department of the Russian National Library]. Stock 634. List 1. Dos. 93.
- OR RNB [Manuscript Department of the Russian National Library]. Stock 634. List 1. Dos. 115.
- <Papernaya, E.> (1926). Aleksey Remizov [Alexey Remizov]. In *Parnas dybom. Pro: kozlov, sobak i Veverleev*. Khar'kov, Kosmos, p. 48.
- Perepiska Z. N. Gippius, D. S. Merezhkovskogo, D. V. Filosofova s V. Ya. Bryusovym (1906–1909) [Correspondence of Z. N. Gippius, D. S. Merezhkovsky, D. V. Filosofov with V. Ya. Bryusov (1906–1909)]. (2001). In *Literaturovedcheskiy zhurnal*. No. 15, pp. 124–347.
- <Proekt pamyatnika A. M. Remizovu> [<Project of a Monument to A. M. Remizov>]. (1907). In *Seryj volk*. No. 5, p. 80.
- Re-Mi <Remizov, N. V.>. (1908). Aleksey Remizov [Alexey Remizov]. In *Satirikon*. No. 7, p. 12.
- Re-Mi <Remizov, N. V.>. (1908a). Na vystavke «Iskusstvo v zhizni rebenka» [At the Exhibition "Art in the Life of a Child"]. In *Satirikon*. No. 37, p. 7.
- Re-Mi <Remizov, N. V.> (2007). Salon ee svetlosti russkoy literatury [Salon of Her Grace of Russian Literature]. In Nikolaev, P. A. (Ed.). *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya. Vol. 5. Russkie pisateli 11–20 vv., pp. 480–481.
- Remizov, A. M. (2011). *Kukkhya: Rozanovy pis'ma* [Kukha: Letters of Rozanov] / comp., prep. text, art., comment. by E. R. Obatnina. Saint Petersburg, Nauka. 609 p.
- Remizov, A. (1916). Oblazha: Narodnaya skazka [Oblaja: Folk Tale]. In *Svobodnyy zhurnal*. No. 1, p. 5.
- <Remizov, A. M. Perepiska> [<Correspondence>]. (1982) / publ. N. V. Kotrelev, R. D. Tymenchik. In *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, Nauka. Vol. 92. Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniya. Book 3.
- Remizov, A. M. (2003). *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Moscow, Russkaya kniga. Vol. 10. Peterburgskii buerak. 592 p.
- Remizov, A. (2016). *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo "Rostok". Vol. 12. Rusaliya. 991 p.
- Remizov, A. (1915). Ukrepa. Slovo [Strength. Word]. In *Novyy zhurnal dlya vsekh*. No. 8, pp. 5–6.
- <Sharzh na postanovku «Besovskogo deystva» Remizova> [<Cartoon on the Production of "Demonic Action" by Remizov>]. (1907). In *Seryj volk*. No. 24, p. 387.
- Solov'eva, P. (Allegro) (1906). *Elka. Stikhi dlya detey* [Christmas Tree. Poems for Children]. Saint Petersburg. 54 p.
- Tavits, A. (1907). Viziter u Alekseya Remizova [Visitor at Alexey Remizov]. In *Strekoza*. No. 52, p. 14.
- <Zametka> [The Note]. (1908). In *Rech'*. 10 April. No. 86, p. 5.

Сведения об авторе

Вахненко Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет (Иркутск).
Адрес: 664003, Россия, г. Иркутск, Карла Маркса, 1.
E-mail: katy250579@mail.ru.

Author's information

Vakhnenko Ekaterina Evgenievna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University (Irkutsk).